



16+

Наталья Волохина

Я ушёл

Мистическая история самоубийцы

Наталья Волохина

Я ушёл. Мистическая история самоубийцы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53836913

SelfPub; 2021

Аннотация

«Лучше умереть, чем так жить!»— восклицал хоть раз в жизни каждый из нас. Но не каждый исполнил свое намерение, продиктованное отчаянием. А вдруг жизнь стала настолько невыносима, что мы решили уйти из неё, как герой повести, Раван? Представьте, что при попытке прекратить невыносимые страдания вы получаете шокирующий результат – вместо небытия попадаете в странное и страшное место, где, кажется, нет надежды на спасение. Ведь умереть дважды невозможно. Что же может быть страшнее смерти? Вспомните боль от утраты близкого человека, стыда за предательство, от ненависти к когда-то любимому, раскаяния в непрощённых обидах. При жизни мы всегда надеемся на «Бог простит». Вы уверены, что не придется заплатить высокую цену за прощение? В жутком мире, наполненном диковинными существами, герой вынужден искать ответ на главный вопрос: «Есть ли прощение неприкаянному грешнику?»

Содержание

Ты кто?	4
Попутчик	10
Ирий	13
Гром и молния	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Наталья Волохина

Я ушёл. Мистическая история самоубийцы

Ты кто?

– Явился?! Наконец-то!

– Вы кто?

– Вежливый. А ты кто? Кем себя представляешь?

– Я? Я-а...

– Ну!

– Я...

– Чего мямлишь? Ты – самоубийца. Другие здесь не ходят.

Не нравится? Ну, убийца.

– Я никого не убивал!

– А себя? Ты же человек... был. Значит, человека убил.

Так?

– Выходит, так.

– Выходит... и входит. Вон – река, в какие вы любите входить дважды. Давай. Ты ж за этим сюда пришел.

– Не-е-ет. Там огонь.

– А чего тебе терять, все одно помер. Стрелять себе в башку не побоялся, а огонь, видишь ли, ему не нравится.

– Забываю все время, что тела нет, и бояться нечего, но в огонь как-то не хочется.

– Зачем тогда пришел?

– Я не специально. Как упал, так и пошел, куда глаза глядят... А, ну да, глаз тоже нет. Просто пошел.

– Нет, не просто. Тебе ж на тот берег охота.

– На какой?

– На правый.

– Зачем?

– Чет ты затурканный совсем. Ну, посмотри. Да на тот берег, куда пялишься?

– Ой! Лика!

– Лики. Полно ликов. Они ж все почти святые.

– Лика-а-а!!!

– Не ори. Все равно не услышит. Ты разве не заметил, что тут звуков никаких нет.

– Нет, в смысле, звуков нет, я заметил. Там тётя Тося.

– И тетя Тося и папаша твой...

– ...и Ринат.

– Сосед? И он там.

– А почему не слышно? Ри-и-и-на-а-а-т!

– Не ори, полоумный! Хотя, с самоубийцы что взять. Говорю же, не слышно. Ну да, ты ж Фома... был. Фома неверующий. Ты зачем сюда пришел? Чтоб на тот берег перебраться. Так?

– Я не знаю.

– Чего не знаешь? К Лике своей хочешь?

– Хочу, конечно. Но я не знал, что она там.

– А чего тогда стрелялся?

– Ну...

– Баранки гну. Иди, Раван, раз пришел.

– Откуда вы знаете? Меня бабушка Раваном звала. А по паспорту – Фома.

– Звала, – передразнил Балахон. – Не нужен тут паспорт, чтобы знать, как тебя звали. А уж как ты сам теперь себя назовешь – твое дело. Раван – значит «уходящий». Ты из-за Лики своей ушел или к ней. Так?

– Так.

Раван спустился по пологому берегу к самой кромке огня. Пламя хлестало по тому, что было раньше лицом. Лика перестала махать рукой, вдруг сникла, опустила голову.

– Лика-а-а! – забывшись, крикнул Раван. – Посмотри на меня-а-а!

И шагнул в огонь. Пламя отбросило назад его серую призрачную фигуру.

– Что, никак?

Раван снова ринулся с разбегу в огненную реку и тут же оказался на прежнем месте – у ног этого странного, наглого мужика в балахоне, откровенно надсмехавшегося над ним. Рассмотреть его лицо, скрытое капюшоном, в тускло-сером свете невозможно. Сквозь балахон мерцал свет, будто лампа под абажуром. Усмешка чувствовалась в голосе, интона-

ции. А к мерцаниям и прочим чудесам за время пути Фома немного привык. Хотя времени тут, как и звуков, не было. Неизвестно и не имело значения, сколько времени он шел. Главное – пришел к Лике.

А теперь? Что теперь делать? Попасть на тот берег без «Балахона» не получится. Придется подстраиваться, искать контакт. «Совсем, как Там,– усмехнулся Раван.– Стоило ли сбегать?»

«Ку-ку!»– неожиданно громко раздалось прямо над бывшим ухом.

Раван вздрогнул. Вот тебе и беззвучие.

– Чего вздрагиваешь?– ожил Балахон.– Ты ж ей должен – это она тебя через Ирий протащила. На этом свете и сочтешься, раз уж про цену размышляешь. Только не оболщайся, на правый берег не доставит. У тебя билет в один конец, Фома.

«Вот гад, читает меня, как по писаному»,– подумал Раван.

– А кто?..

– Доставит? Никто. Только ты сам.

– А как?

– Каком кверху,– беззвучно затрясся Балахон.

– А вы?..

– Я? Я – простой рыбак. Вон, видишь, на червя ловлю.

Балахон сделал движение рукавом влево вниз, и Раван увидел небольшую ямку, кишевшую червями.

– Чего морщишься? Мог бы давно их обедом стать, да не

модно нынче. Но не выбрасывать же, вот и держу для наживки.

– Вы... черт?– с запинкой спросил Фома – Раван.

– Сам ты – черт. Я – рыбак.

Балахон резко дернул невидимое удилище и вдруг сунул прямо под нос Равану что-то черное и мокрое.

Слизкий комок зашевелился, и в ватной тишине резко выделился писклявый крик. Неожиданно Балахон потрянул рукавом и швырнул вопящий комок в белесую тень Фомы, прохрипев: «Ах ты, мерзавец! Кусается!». Фома автоматически подставил то, что заменяло теперь руки, и тут же отдернул, ощутив впервые после смерти боль. Ушлепок закрутился во круг, покусывая за бывшие ноги.

– Уберите его! Он кусается!– закричал Раван Балахону.

– А я при чём? Твой грех, как я его уберу? Сам разбирайся,– ворчливо отозвался Балахон, отходя подальше от клуба.

– Какой грех?– вскрикнул Фома от боли и удивления.

– Присмотрись. Я почему знаю? Чужой бы точно не выловился,– насмехался безликий.

Раван опустил на корточки, и уродец, постепенно замедлив вращение, стих. В складках коричневой кожи светился лучом маяка ярко-желтый глаз.

– Кто ж ты такой есть?– рассматривая монстра, задумчиво поинтересовался самоубийца.

Зверушка не отвечала.

«Ку-ку!»— выстрелом взорвалось в тишине.

— Сколько можно пугать?— дернулся Раван от неожиданности.

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку...

— Ах ты, зараза! Ты в минутах, годах или вечностях предсказываешь?— взъярился страдалец.

— Ку-ку!— издевательски звучало в ответ.

Балахон вторил хриплым смехом.

Попутчик

Фома разозлился и замахал руками, отгоняя навязчивое кукование. Самой птицы видно не было.

– Кыш! Кыш, мерзость!

– Неласков ты с попутчицей,– просипел Балахон, устраиваясь на берегу, лицом к полыхавшему пламени, спиной к Фоме.

– Какая она мне попутчица?!– буркнул самоубийца и осекся.

Он вспомнил, как его с бешеной скоростью, будто в центрифуге, крутило, колотило об упругие стены воронки, пока невидимая сила не подхватила, протащив центростремительно вниз.

Падение кончилось неожиданно – шлепком в черную, липкую жижу. В сумеречном свете Фома разглядел корявое дерево, с подагрического пальца сухой ветки которого свисала веревка. «А веревка после пули уже не требуется. Перебор»,– усмехнулся Фома. На другой ветке сидела птица. «Здоровенная. Я воробья от вороны с трудом отличаю, а это и вовсе не пойми кто». Птица улетела, наверное, обиделась. Веревка качнулась, потревоженная дуновением от взмаха её крыльев. «На такой веревочке на небо не взобраться,– констатировал Фома.– Если только на дерево – осмотреться. Но ветки сухие, обломатся. Убиться не убьюсь по второму разу,

да что толку».

«Торопиться некуда, но и здесь торчать тошно. Пойду. Только куда? Под ногами грязная жижа, а вокруг ни хрена не видно. Болото что ли? Ладно. Страшнее смерти ничего нет. Наверное. Пойду».

Неожиданно близко, едва не коснувшись его крылом, пролетела все та же птица. «Неслышно подобралась. Впрочем, звуков никаких нет. Абсолютно. Безмолвие. Тихо, как в гробу. Нет. В гробу всё время что-то поскрипывало, потрескивало. Жуть. Уж лучше тишина. Пойду за птицей. Куда-то же она направляется».

Скоро, а может и не скоро (в безвременье не разберешь), маршрут определился. Из серой мглы проступил контур кривого дерева с веревкой и птицей на сухой ветке. «По кругу прошел»— догадался Фома. Но через два-три повторения, заметил, что абрис у коряг разный. «Значит, двигаюсь вперед. Только куда – вперед, и где они здесь – зад и перед». Птица при его приближении покидала сушняк, он двигался следом. «Ведет. Стало быть, знает куда. А если нет никакого «куда»? Так и будем идти бесконечно, всегда. Ишь, стихами заговорил. То ли ещё будет».

Возле двенадцатого дерева он уселся прямо в липкую грязь. «Все! Баста! Достало!» Через некоторое время птица, не обнаружив попутчика, вернулась. Устроилась на дереве и посмотрела строго круглым глазом. «Чего уставилась? Не хочу больше. Надоело! Кругом одно и то же». Пернатая мол-

чала, не отводя строгого взгляда. «Да отвали ты! Устал я, жрать хочу!»— заорал Фома. И вдруг захохотал, вспомнив, что ни устать, ни проголодаться он теперь не может. «А лепешечка имеется. Бабуля какая-то сердобольная на могилку самоубийце положила: «Возьми, сынок, путь у тебя дальний и долгий». Я и прихватил. Может, ты есть хочешь?»— обратился Фома к нахохлившейся спутнице.

Лепешка по радиусу была разделена продольными вдавленными полосами на двенадцать частей. Отломив одну и поделив пополам, Фома протянул кусок птице. Она осторожно взяла свою долю и проглотила целиком. «И мне что ли попробовать?» Поднес хлеб в район предполагаемого рта, тот исчез. «Глянь, получилось! Не хуже, чем у тебя,— обратился он к сотрапезнице.— Жаль, стопарик не прихватил с могилки. Помянули бы». Но ветка была пуста — ни птицы, ни верёвки. «Э! Ты где? Куда мне теперь?»— обеспокоенно крикнул Фома. Но крик не получился, звук замер, застрял в сером густом тумане. «Тьфу ты, пропасть!»— рявкнул путник и неожиданно провалился, хотя после центрифуги считал, что дальше падать некуда.

Ирий

Приземлился на твердое. «При наличии тела разбился бы к чертям собачьим. Стоп! Тут надо со словами осторожнее, можно и впрямь к ним угодить, судя по предыдущему результату, насчет пропасти».

Неожиданно сверху на него свалилась змея. Фома дернулся. Змея скользнула в сторону. «Ужик. Хотя, какая разница». Словно в подтверждение его мыслей на него упала парочка гадюк, тут же исчезнувших в темноте. «Надо отодвинуться от дыры. Кто его знает, сколько гадюк в здешнем серпентарии. Безопасно, но неприятно».

Фома пошевелился, пытаясь рассмотреть в сумеречном свете отверстие, через которое они со змеями сюда попали. «Интересно, как это место называется?» И вдруг вспомнил напевный бабушкин говор: «На зиму птицы улетают, а змеи уползают в Ирий, а весной возвращаются. Ирий – подземная страна, куда собираются и души умерших. Ключи от Ирия хранятся у кукушки, поэтому она должна явиться туда первой, а улететь последней. Она же несет на своих крыльях уставших птиц».

«Так это кукушка! Точно. Она меня подхватила в воронке и вытянула. Без неё неизвестно, сколько бы ещё о стенке долбало. А про деревья с веревками не ясно». И тут же, словно в ответ на его вопрос, снова зазвучал бабулин голос:

«Верили они, что дерево – временное пристанище души человеческой после смерти. И веревку на ветку привязывали, чтобы помочь душе взобраться на небо». «Спасибо, бабуля, только на небо самоубийцам вход воспрещен во веки веков. Решение окончательное, обжалованию не подлежит. Вот если бы я кого-нибудь подстрелил по пьянке, шанс ещё остался, нашлось бы оправдание, а для лишившего себя жизни – однозначно, прощения нет. Поздно теперь рассуждать. Пойти что ли куда?»

Фома присмотрелся, в каком направлении уползают гады, без перерыва сыпавшиеся из невидимой дыры (дыры неизвестно в чем), и двинулся вслед за ними. В первый момент показалось – шагнешь из зыбкого света и канешь во тьму. Но сколько ни шел, освещение оставалась ровным – мерзко-серым. Кукушка хоть к деревьям приводила, все же разнообразие, а ползучие твари тащились бесконечно по высохшей, растрескавшейся глине.

И снова путника охватили отчаяние и безысходность. Он опустился на желтую, шершавую твердь. Только ужик пристроился рядом, остальные змеюки сгнули. «Ну, и проваливайте!» – крикнул Фома. Звук застрял рядом. По-щучьему велению явилась недоеденная лепешка, пришлось отломить еще один сегментик. Теперь их осталось десять. Поделив хлеб по-братски (змей, как и птица, от угощения не отказался), Фома задумался.

«Как мать ни уговаривала попа хлеб разломить, тот ни в

какую не согласился. А зачем его ломать? И почему в лепешке двенадцать частей? Деревьев они с кукушкой тоже обошли двенадцать. Не просто так, ой, не просто. На новом «уровне» в чем повторится число? Змей намного больше двенадцати. По голой земле, хоть шаром покати. Шаром...»

Вспомнились шарики дроби, разбежавшиеся по столу, когда набивал патрон. Он долго следил за ними взглядом, пока дробинки не замерли, сложившись в жемчужно-черный узор на белой скатерти. Резко встал, толкнув стол, отчего живчики снова засуетились, некоторые скатились на пол. Но Фома уже не смотрел на них, зарядил ружье, и... Он видел все выпукло, будто через лупу. Но сейчас не хотелось снова прокручивать жуткое кино. До взрыва внутри головы пройдет целая вечность. «Интересно, пол вечности – это сколько?» – попытался ускользнуть от воспоминаний, проскочить сразу в воронку. И тут в стерильной тишине грохнуло.

Гром и молния

Фома испуганно пригнулся.

– Чего трясёшься?– поинтересовался Балахон, не оборачиваясь.– Ты ж тренированный. У тебя в башке круче бабахнуло.

– Что это? Я уже слышал взрыв, когда сюда падал.

– Да кто ж знает, что у Него там грохает? Иногда сверкает,– меланхолично заметил Балахон.– Глянь, как вспыхнуло, аж святоши со страху попрятались.

Фома всматривался в противоположный берег, освещаемый огненными всполохами пламени реки. На самом деле, склон опустел. Только на берегу, бесстрашно опустив ноги вниз, к самому огню, сидели странные существа. В белых рубахах, лохматые, как домовые, с огромными, загибающимися внутрь когтями на руках и ногах.

– Зачем они ногти такие отрастили?– спросил Фома.

– Не окончательный вариант,– раздался в ответ хриплый, каркающий смех Балахона.– Погоди немного, прирастят все ногти, которые за всю жизнь состригли, станут круче Вия.

– Зачем?

– Как, зачем? На хрустальную гору лезть. Вон, видишь, светится? Скользящая она, без ногтей не забраться.

– На гору зачем лезть?

– Чудак-человек, разве не знаешь, что там вход к Нему

самому.

– А ворота зачем? Разве через ворота нельзя?

– Можно и через ворота. Всем по-разному. А чего не спрашиваешь, к кому – к нему?

– К кому – к нему?– покорно повторил Фома.

– И у кого, у него, там грохочет и сверкает?– давил Балахон.

– И у кого, у него, там грохочет и сверкает,– речитативом насмешливо повторил ученик.

– Та-а-к, наконец, вопросы, как у нормального человека. Хотя, разве нормальные стреляются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.